

АНАСТАСИЯ
БАТЛЕР

ТЫ — МОЙ
ВЫИГРЫШ

Анастасия Батлер

Ты - мой выигрыш

<https://litres.ru/74345412>

Аннотация

Ночь в «Клубе Феникса» изменила всё. Герцог Ашер Астор, холодный и расчётливый игрок, привыкший побеждать в любых сделках, не ожидал, что его жалость к опустившемуся барону обернётся чудовищным пари. Ставкой стала недвижимость, деньги... и собственная дочь барона, Элизабет.

Ашер выиграл. Элизабет Фолк, талантливая пианистка, мечтавшая о музыке и свободе, стала его собственностью. Но герцог хочет не просто обладать — ему нужно её сердце. И он готов заплатить за это любую цену.

Элизабет пытается бороться, строит планы побега и не подозревает, что каждый её шаг лишь затягивает петлю. Их противостояние превращается в опасную игру, где на кону — не только свобода, но и жизнь. И когда всплывают мрачные тайны прошлого, связывающие их семьи, ставки становятся смертельными.

Сможет ли любовь родиться из пепла ненависти? Или пламя страсти уничтожит их обоих?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	45
Глава 9	51
Глава 10	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Глава 1

Ашер

Дым сигар висел в воздухе густым, сладковатым саваном, пропитанным запахом дорогого коньяка, пота и мужских амбиций. «Клуб Феникса» — место, где тишина была громче крика, а шелест банкнот значительнее пушечного залпа. Здесь отдыхали, заключали сделки и теряли состояния.

Я, Ашер Джеймс Астор, герцог, находился здесь против своей воли. Вернее, по воле друзей, которые уговорили меня «развлекаться». Игра не была моей страстью; моя охота велась за другими зверями — на воле, с ружьем в руках, или в кабинетах министров, где ставками были земли и судьбы губерний. Но карты... Карты были скучным подсчетом вероятностей.

Мы сидели за столом у стены, наблюдая за игрой в баккара. Мой приятель, граф Селин, что-то оживленно рассказывал о новой скаковой лошади, но я лишь кивал, поглядывая на часы. Еще полчаса, и я мог бы вежливо удалиться под предлогом утреннего совета.

Именно в этот момент в зале, у центрального стола для покера, поднялся шум. Не обычный гул проигрыша, а что-то грязное, отчаянное. Голос, хриплый и надтреснутый, выл:

— Дайте же мне отыграться! Это последнее, клянусь! Я...

я найду деньги!

Я повернул голову. К стене прижимали жалкую фигуру в когда-то дорогом, а теперь потертом и неопрятном фраке. Это был барон Майкл Фолк. Тень человека. Я знал о нем. Когда-то блестящий офицер, он потерял жену, а с ней — и рассудок. Поговаривали, он пропил и проиграл все, что у него было, включая фамильное имение, оставив себе лишь небольшой загородный дом. И вот он докатился до попытки играть в долг.

Охрана, два верзилы с бесстрастными лицами, уже взяли его под локти, чтобы выдворить на улицу, а возможно, и вразумить кулаками в темном переулке. В его глазах, диких и мутных, я увидел не просто отчаяние игрока. Я увидел ту самую бездну, в которую сорвался мой собственный отец перед смертью, пусть и по другой причине. Небольшая трещина в ледяной броне моего равнодушия дала слабинку.

— Стоп.

Мое слово, тихое, но произнесенное тем тоном, который не терпит возражений, заставило охрану замереть. Все за столом замолчали. Даже граф Селин притих.

Я медленно поднялся и подошел к сцене. Фолк, увидев меня, замер. В его взгляде мелькнула искра надежды, жалкой и неприятной.

— Ваша Светлость... — прохрипел он.

— Барон Фолк, — холодно отрезал я. — Вы хотите отыгаться?

— Да! О, да, Герцог! Дайте мне шанс! Я всё верну!

От него пахло дешевым портвейном и несбыточными мечтами. Мне стало отвратительно, но и... жаль. Жаль того человека, каким он мог бы быть. Жаль его дочь. Да, я знал, что у него есть дочь. Года три назад, на балу в честь коронации, я видел его с женой и девочкой-подростком, похожей на ангела с картины. Поговаривали, девушка росла красавицей и после смерти матери стала спасением и одновременно заложницей своего отца.

— Хорошо, — сказал я, и в зале повисла напряженная тишина. — Я дам вам этот шанс. Один. Садитесь.

Я кивком распорядился отпустить его и занял место напротив. Друзья столпились за моей спиной, шепчась от любопытства. Фолк, дрожащими руками, сглатывая, опустился на стул.

— Правила просты, — мои пальцы легли на колоду, которую подал крупье. — Одна игра. Вы ставите то, что у вас осталось. Я ставлю сумму, которая покроет ваши долги этому заведению и даст вам возможность начать сначала. Десять тысяч.

В зале послышался сдержанный свист. Для Фолка это была сумма невообразимая, спасительная.

Лицо барона осветилось лихорадочной радостью. — Да! Я согласен!

— Что вы ставите? — спросил я, методично тасуя карты. Звук был мягким, роковым.

Фолк полез во внутренний карман, вытащил пустой бумажник, потом пошарил по другим карманам. На его лице отразился ужас. Он был гол как сокол. Он огляделся, будто ища спасения в прокуренном воздухе, и его взгляд, дикий и умоляющий, упал на меня.

— Я... у меня... — он задыхался. — У меня есть дочь. Элизабет. Ей девятнадцать. Она... она красавица, образованна, добра... Я ставлю свою дочь!

Я замер. В пальцах, сжимавших карты, на мгновение пропала вся сила. Я слышал о подлости, но чтобы отец... Я посмотрел на него, и в ту секунду вся жалость испарилась, оставив лишь леденящее презрение. Друзья за моей спиной ахнули, а затем раздались сдержанные, похабные смешки. Граф Селин фыркнул:

— Ашер, да ты оказывается, не только на лис охотишься! Новая дичь?

Я проигнорировал его. Мои глаза, холодные, как зимнее озеро, впились в Фолка.

— Вы понимаете вес своего слова, барон? Вы ставите честь и свободу собственного ребенка?

— Она моя дочь! Я имею право! — выкрикнул он, уже почти не осознавая, что говорит. Азарт и отчаяние полностью съели его разум.

— Очень хорошо, — голос мой был тихим и ровным, без единой эмоции. — Принимается.

Мы сыграли. Это была не игра, а казнь. Он не думал, су-

дорожно хватал карты, делал нелепые ставки в рамках нашего страшного пари. Я же просто считал, холодно и точно. И через пятнадцать минут все было кончено. Его карты легли на сукно ничтожной мусорной стопкой против моего терпкого флеша.

Фолк побледнел как смерть. Он смотрел на карты, не веря, потом на меня.

— Нет... Нет, Ваша Светлость, дайте реванш! Я... я найду что еще! Я...

— Вам нечего больше ставить, — отрезал я, вставая. — Игра окончена. Ваша дочь отныне принадлежит мне. Ее судьба, ее будущее — в моих руках. Вы больше не имеете над ней никакой власти.

Я сделал знак управляющему, и тот молча подошел к Фолку. Барон расплакался, жалкие, пьяные слезы стекали по его осунувшимся щекам. Это зрелище вызывало тошноту.

— Завтра к полудню, — сказал я, уже надевая перчатки и не глядя на него. — Вы приведете Элизабет в мое поместье. Объясните это как сочтете нужным. Если ее там не будет, вас найдут и привезут ко мне. И вам не поздоровится. Если же она появится у моего порога... ваши долги «Фениксу» будут считаться погашенными. Это мое последнее условие.

Не дожидаясь ответа, я повернулся и направился к выходу. Друзья, хихикая и толкаясь, пошли за мной.

— Ну, герцог, поздравляю с выигрышем! — хлопал меня по плечу Селин. — Говорят, барышня и впрямь писаная

красавица. Что будешь с ней делать? В горничные? Или в...
— Он многозначительно подмигнул.

Я остановился и медленно повернулся к нему. Мой взгляд должен был выражать все, что я думал о его шутке, потому что улыбка с его лица мгновенно сошла.

— Я еще не решил, — сухо ответил я. — Но это мое приобретение. И мои правила.

Выйдя на холодный ночной воздух, я глубоко вдохнул, стараясь очистить легкие от клубного смрада. В голове стучало. Я, Ашер Астор, выиграл в карты живую девушку. Дочь опустившегося дворянина. Что за дьявол меня дернул? Жалость? Или холодное любопытство? Или, быть может, в глубине души я увидел в этом абсурдном пари способ вырвать невинное создание из лап этого монстра, пусть и ценой ее свободы?

Я сел в экипаж, отдавая приказ домой. Завтра она придет. Элизабет Фолк. Девочка, которую продал ее собственный отец. Что я увижу в ее глазах? Ужас? Ненависть? Покорность?

Ледяная стена, всегда защищавшая мое сердце, дала еще одну тонкую трещину. Но я не позволю ей рухнуть. Она — мой выигрыш. Моя собственность. И я буду обращаться с ней соответственно.

Машина тронулась, увозя меня прочь от греха и отчаяния «Клуба Феникса», но не от их последствий. Последствия, в образе девятнадцатилетней девушки с печальной судьбой,

должны были явиться ко мне завтра. И я должен был быть готов.

Глава 2

Элизабет

Запах старого дерева, воска и легкой сырости был единственным дорогим ароматом, что остался в нашем доме. Я провела пальцами по клавишам пианино — не того, рояля «Беккер» своей матери, а старенького, слегка расстроенного инструмента, взятого в долг у соседского священника для уроков. Я ударила по клавишам, и тихий, чуть дребезжащий звук «Лунной сонаты» поплыл по пустым, холодным комнатам. Музыка была моим щитом. Пока пальцы бежали по знакомым нотам, не существовало ни долгов, ни потерь, ни страха. Была только мелодия и тень матери за спиной, направляющая каждое движение.

Урок с дочерью местного торговца окончился час назад. Небольшая монетка, заработанная за него, лежала в фарфоровой шкатулке — бывшей материной, теперь служившей копилкой. На земельный налог нужно было еще две таких. Я сгребла со стола ноты и пошла на кухню готовить ужин. Отец ушел утром, сказав, что пытается уладить «деликатные вопросы». Но я знала, что это значит. Очередная попытка выпросить отсрочку у кредиторов или продать последнюю безделушку.

Сумерки сгущались, когда хлопнула калитка. Шаги в при-

хожей были неверными, тяжелыми, но не от пьянства — от непереносимой тяжести.

— Папа?

Отец стоял на пороге кухни, не снимая поношенного плаща. Он выглядел так, будто его выпотрошили. Глаза, когда-то ясные и смелые, теперь были двумя бездонными колодцами стыда. Он посмотрел на меня, и губы его задрожали.

— Лиззи...

— Что случилось? — я поставила тарелку, сердце сжалось холодным предчувствием. — Опять неудача?

Он покачал головой, медленно сполз по косяку двери на стул и уткнул лицо в ладони. Плечи затряслись.

— Лиззи, прости меня. Ради всего святого, прости.

— Простить за что? Папа, ты меня пугаешь. Говори.

Он заговорил. Слова лились тихо, бессвязно, полные самооправданий, которые тут же разбивались о камень собственного признания. «Клуб Феникса»... долг... отчаяние... попытка отыграться... Герцог Астор... Он не смотрел на меня, уставившись в потрескавшиеся половицы.

— ...и тогда он сказал: «Что вы ставите?»... А у меня... у меня ничего не было. Ничего, кроме... кроме...

Он поднял взгляд, полный такой животной мольбы и такого отвратительного страха, что я отшатнулась.

— ...кроме тебя.

Время остановилось. Тиканье часов на каминной полке

превратилось в гулкие удары барабана. Звук «тебя» повис в воздухе, отвратительный, невозможный, чужой.

— Что? — мой собственный голос показался тонким, детским.

— Я поставил тебя. Твою свободу. Твою... судьбу. Я был безумен, Лиззи, клянусь! Он давал шанс! Шанс все вернуть!

— Он пополз ко мне на коленях, схватил за подол платья.

— Прости, прости меня, дочка! Я твой отец, я имел право... я...

Слово «право» ударило как пощечина. Вся моя жизнь — смерть матери, распродажа вещей, ночные кошмары отца, мои титанические усилия удержать нас на плаву — все это сжалось в один крохотный, горький комок, который теперь отец назвал своим «правом» и поставил на карту.

Холод разлился по венам, сменив первый шок. Я медленно, очень медленно высвободила ткань из его пальцев.

— Ты... проиграл?

Он кивнул, рыдая беззвучно, его тело билось в конвульсиях унижения.

— Герцогу Ашеру Астору. Он сказал... завтра к полудню... привести тебя в его поместье. Иначе... иначе меня...

Он не договорил. Мне было все равно, что «иначе». Картина сложилась с ужасающей четкостью. Холодные глаза герцога, которые я запомнила с того давнего бала. Он смотрел на меня тогда не как на девушку, а как на ошибку в уравнении, как на досадную помеху. В его взгляде была какая-то

личная неприязнь, которую я не могла объяснить. Он пугал меня. И теперь я принадлежала ему. По бумаге, по слову, по этому чудовищному карточному долгу.

— Встань, папа, — мой голос звучал призрачно ровно. — Позорно.

Я вышла из кухни. Шаги отдавались эхом в пустом доме. Поднявшись в свою комнату, я заперла дверь на ключ и прислонилась к ней спиной. Только тогда дрожь накрыла с головой. Я скользнула на пол, обхватив колени руками. Страх был острым и физическим — сковывал дыхание, леденил пальцы. Что он сделает? Сделает меня служанкой? Или... Мысль была настолько чужеродной и постыдной, что я с силой тряхнула головой, словно отгоняя осу.

Перед глазами стояло лицо отца на полу. Жалкое, разбитое. И все же сквозь страх к нему пробивалась знакомая, израненная жалость. Он был сломанным человеком, и я была последней соломинкой, за которую он ухватился. Это не оправдывало его. Но объясняло. И я все еще любила его. Любила того отца, каким он был при маме. Любила память о нем.

Утром я спустилась, одетая в самое лучшее из своего скромного гардероба — темно-синее шерстяное платье, уже слегка поношенное на локтях. Отец сидел за столом, осунувшийся за ночь на десять лет. Он не спал.

— Лиззи...

— У нас есть загородный дом, — сказала я четко, без пре-

дисловий. — Мамин дом. Мы продадим его. Деньги... мы отдадим герцогу. Это должно покрыть долг. Мы попросим его аннулировать это... пари.

Отец смотрел на меня с тупым недоумением, а затем на его лице расцвел ужас.

— Нет! Лиззи, нельзя! Это последнее, что осталось от Анны! Твоя мать...

— Мама предпочла бы видеть нас свободными, а не цепляющимися за камни! — в голосе впервые прозвучала сталь. — Или ты предпочитаешь, чтобы твою дочь увели из этого дома как выигрыш в карты?!

— Ты не понимаешь! — он ударил кулаком по столу. — Это Ашер Астор! Ты думаешь, он удовлетворится деньгами? Он принял ставку! Он выиграл! Идти к нему и торговаться... это оскорбит его. Он уничтожит нас. Меня он... он прикончит как щенка.

В его глазах был животный, неконтролируемый страх перед герцогом, который пересилил даже стыд. Я смотрела на него и понимала: отец сломлен окончательно. Он не защитник. Он — причина беды, и теперь он в панике.

В груди что-то твердело, кристаллизовалось — не бесстрашие, а отчаянная решимость.

— Хорошо. Тогда я пойду сама.

— Что?! — отец вскочил. — Ни в коем случае! Я запрещаю!

— Ты лишился права что-либо мне запрещать, — холодно

сказала я. Его лицо исказилось от новой боли. После я смягчила тон: — Папа, если слухи пойдут... тебе не пережить этого. И мне тоже. Я пойду. Поговорю с ним. Он аристократ. Может быть, в нем есть хоть капля благородства. Я предложу ему выкуп. Дом. И... и мои услуги. Я могу учить музыке его сестер, если они есть. Или вести хозяйство. Я буду работать, чтобы выплатить долг. Честно.

Я почти убедила себя. Почти.

— Лиззи, он опасен. Холодный, циничный...

— Хуже, чем быть проданной собственным отцом? — спросила тихо.

Этот вопрос повис в воздухе, не требуя ответа. Отец снова опустил голову, побежденный.

Час спустя я стояла у калитки, закутанная в поношенный, но теплый плащ. В маленькой сумочке лежали ключи от дома и старая, выцветшая миниатюра с портретом матери — самый дорогой залог, который могла мысленно предложить. Сердце бешено колотилось, а во рту пересохло. Я боялась. Боялась этого огромного, чужого поместья. Боялась его холодных глаз. Боялась неизвестности.

Но больше всего боялась стать жертвой. Пассивной пешкой в игре мужчин. Нет. Я шла не как выигрыш. Я шла как парламентар. С последним клочком своего достоинства и с безнадежной, хрупкой надеждой на справедливость.

Я посмотрела на маленький, обветшалый дом, где пахло памятью о матери, и на отца, который стоял в дверях, съе-

жившийся, беспомощный.

— Я вернусь, — сказала я, не зная, правда ли это.

И, не оглядываясь, пошла по дороге, ведущей в имение герцога Астора. Навстречу своей новой судьбе, чтобы попытаться выторговать у нее хоть крупицу свободы.

Глава 3

Часть первая.

Дорога к поместью герцога Астора шла через светлую рощу, где солнечные лучи играли в листве, а воздух был наполнен запахом хвои и свежести. Когда же из-за деревьев показались кованые ворота и открылся вид на сам дом, Элизабет на мгновение забыла о страхе. Она замерла, пораженная.

Это было не мрачное каменное укрепление, а нечто изящное и светлое, словно дворец из старой сказки. Основное здание из светлого песчаника с высокими стрельчатыми окнами казалось легким и воздушным. Его окружали ухоженные зеленые лужайки, а перед парадным входом бил в небо фонтан с фигурой дельфина, в лучах солнца переливавшийся миллионами брызг. Но больше всего ее потрясла аллея, ведущая к дому. Она была усажена розами всех мыслимых оттенков — от белоснежных до темно-бордовых, почти черных. Между ними цвели лаванда, пионы и незнакомые ей голубые цветы, создавая буйную, дышащую гармонию красок и ароматов. Это был взрыв жизни, красоты и нежности, совершенно немыслимый для того холодного, циничного человека, образ которого жил в ее памяти. Какой странный контраст, — подумала она, и впервые за сегодня в душе шевельнулось не только отчаяние, но и любопытство.

Этот контраст лишь усилился внутри. Кабинет герцога был просторным, светлым, с высокими потолками, откуда лился мягкий свет из больших окон. Здесь пахло не сыростью и табаком, а старыми книгами, воском для полировки дерева и легкой, свежей нотой лимона. На стенах висели не портреты суровых предков, а несколько тонко выполненных пейзажей. И все же, несмотря на эту светлую красоту, в воздухе висело то же ощущение незыблемой, холодной власти. Сам он стоял у одного из окон, наблюдая за садом, когда ее ввели. Он медленно обернулся.

Взгляд. Он скользнул по ней, неторопливо, оценивающе, с головы до пят. Элизабет снова почувствовала себя товаром на осмотре. Его глаза, цвета зимнего неба, задержались на ее лице, на губах, опустились к открытой шее и ключицам, обрисованным скромным вырезом платья. Он глубоко, почти неслышно выдохнул. Ни слова. Но в этом молчании было больше унижения, чем в любой грубой речи.

— Ваша Светлость, — начала она, заставляя свой голос звучать твердо, хотя колени подкашивались. — Я пришла, чтобы поговорить о... об условиях нашего... соглашения.

Он не предложил ей сесть. Просто скрестил руки на груди, всем видом показывая, что слушает из вежливости.

— Говорите.

— Мой отец совершил непростительное. Но это был акт отчаяния, а не злой воли. Я предлагаю вам альтернативу. У нас есть загородный дом. Имение моей матери. Мы готовы

его продать, и все вырученные средства...

— Мне не интересен ваш дом, мисс Фолк, — перебил он, и голос его был ровным, как лед на озере. — И деньги — тоже.

— Но... это все, что у нас есть! — в голосе Элизабет прозвучала отчаянная нота. — Я могу работать. Я даю уроки музыки. Я образованна. Я могла бы отработать долг моего отца службой в вашем доме. Честной службой.

Он слегка склонил голову набок, и в его взгляде промелькнуло что-то, что заставило ее внутренне сжаться. Тот же холодный, изучающий интерес, что и на балу три года назад. Будто она была не человек, а сложная, но не особо нужная головоломка.

— Вы заблуждаетесь, — сказал он. — Это не был коммерческий заем. Это был пари. Вы — не денежный долг. Вы — выигрыш. И я не собираюсь менять выигрыш на какие-то жалкие монеты или услуги горничной.

От его слов в груди у нее что-то оборвалось. Последняя надежда рассыпалась в прах.

— Вы не можете просто... владеть человеком! — вырвалось у нее, и она тут же испугалась собственной дерзости.

Но он не рассердился. Лицо его осталось невозмутимым.

— Могу. По законам этого мира и по слову, которое дал ваш отец. Вы останетесь здесь. В моем поместье.

Элизабет почувствовала, как по спине пробежал холод. Она не ожидала этого. Она готовилась к унижению, к тяже-

лым переговорам, но не к тому, что ее просто изымут из ее жизни.

— Здесь? Жить? Но мой отец...

— Ваш отец остается там, где он есть. Его долги «Фениксу» погашены. Это — единственное, что его касается.

Он сделал шаг к столу и нажал на скрытую кнопку звонка.

— Для вас приготовлена комната. Вы будете жить в ней.

В дверь вошел пожилой, безупречно одетый дворецкий.

— Ваша Светлость?

— Мистер Гловер, проводите мисс Фолк в ее апартаменты в восточном крыле. Позаботьтесь обо всем необходимом.

Элизабет стояла, не в силах пошевелиться. Слезы подступили к горлу, жгли глаза, но она не позволила им пролиться. Она сжала пальцы в кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль помогла сдержать дрожь. Она подняла на него взгляд — не умоляющий, а полный непролитой боли и гордого вопроса. Зачем?

Он встретил этот взгляд. И в его холодных глазах что-то едва заметно дрогнуло.

Часть вторая.

Она стояла напротив его стола, бледная как полотно на фоне яркого пейзажа за окном, только два ярких пятна румянца на щеках выдавали бурю внутри. И эти глаза. Большие, голубые, как незабудки в его саду после дождя. В них

стояли слезы, но они не катились. Она сдерживала их с таким отчаянным усилием, что это было почти физически ощутимо. И странное дело — в этот момент он осознал, что ему нравится это выражение на ее лице. Эта смесь гордости, боли и непокорности, прорывающаяся сквозь ее мягкую, добрую натуру. Ему стало любопытно. Какое еще выражение может быть у этих поразительных глаз? Страх? Гнев? А может быть... радость? Он тут же отогнал последнюю мысль как абсурдную.

Мысль ударила его, как обухом по голове. Он уже видел это лицо. Три года назад, на том злополучном балу. Она была тогда почти ребенком, сияющим в белом среди этой же искусственной мишуры. И тогда, среди всеобщего веселья, он, только что надевший на себя груз титула и ледяной маски, смотрел на нее. И почувствовал острое, щемящее желание обладать чем-то столь же светлым и чистым, как этот сад, который он разбил вопреки всем ожиданиям, назло своей собственной репутации. Обладать или... осквернить? Он тогда не понял. Счел за минутную слабость, странный сон, и запер его в самом дальнем чулане памяти.

И вот она стоит перед ним. Не сияющая девушка с бала, а потускневшая, напуганная, в поношенном платье. Но те же глаза. То же море. И через все эти годы к нему вернулось то самое чувство. Точно такое же. Острое, незнакомое, навязчивое желание. Обладать. Удержать. Контролировать тот единственный луч света, который когда-то случайно проник

сквозь его броню.

Ему не было ее жаль. Он понял это, наблюдая за ее сдерживаемыми слезами. Жалость испарилась в «Фениксе». Теперь осталось только это... раздражающее любопытство.

Что делать с этим выигрышем? Он не планировал так далеко. Горничной в этом доме, который был его единственной, тщательно скрываемой слабостью? Нет, это было немыслимо. Отпустить? После того, как он публично принял ставку? Это было бы признанием слабости, а Ашер Астор не признавал слабостей.

Она ушла за дворецким, не сказав больше ни слова. В кабинете остался ее аромат. Не духи — их у нее, очевидно, не было. А запах весеннего ветра, чистого белья и легкой грусти. Мыла и теплой кожи.

Он тяжело опустился в кресло и откинулся на спинку, повернувшись лицом к окну. Его взгляд упал на розовую аллею, которую он приказал разбить пять лет назад, к всеобщему недоумению. Он смотрел на цветы, но видел не их. Он видел те голубые глаза, встретившие его взгляд тогда, на балу. Как так вышло, что именно она, этот призрак из прошлого, оказалась его выигрышем? Случайность? Или насмешка судьбы, которая всегда помнила о его единственной, глупой слабости к хрупкой красоте?

Девушка в ее возрасте... Самый подходящий возраст для помолвки. Но с ее-то положением... Почему я вообще об этом думаю? — с досадой отрезал он себе. Какое ему дело?

Она — его собственность. Точка.

Но воспоминание о ее глазах, полных непролитых слез, снова всплыло перед ним. Его тело неожиданно отозвалось напряжением. По жилам разлилось теплое, смутное волнение. Ему понравилась ее ярость? Или сам факт, что теперь эта хрупкая, светлая девушка, похожая на самый нежный цветок в его саду, находится здесь, в его власти? Он не мог понять. Но что-то в этом было. Что-то, что заставляло кровь бежать быстрее и одновременно безумно раздражало, потому что не поддавалось холодному расчету.

Он резко встал и подошел вплотную к окну, глядя, как последние лучи солнца золотят лепестки роз. Проблема. У него появилась живая, дышащая, голубоглазая проблема в самом сердце его единственного сокровенного места. И он еще не решил, как ею распорядиться. Но одно он знал точно: отпускать ее он не будет. Не сейчас. Ему нужно было понять, что это за чувство. И почему ее глаза, полные немой боли, на фоне его прекрасного, безмолвного сада вызывали в нем такую бурю.

А в восточном крыле, в роскошной, светлой комнате с видом на тот самый сад, Элизабет Фолк, наконец, позволила себе тихо плакать в подушку, в то время как мир, который она знала, окончательно рухнул. За окном цвели розы, и их сладкий, дурманящий аромат смешивался с соленым вкусом ее слез. Игра только начиналась.

Глава 4

Элизабет

Комната, в которую меня привели, была красивой ловушкой.

Она дышала безмолвной, безупречной роскошью. Все сверкало чистотой: зеркала в золоченых рамах, полированная древесина туалетного столика, хрустальные дверцы шкафов. Кровать, огромная и пухлая под балдахином из легкой ткани, казалась облаком. Это было в тысячу раз прекраснее нашего старого дома, но в нем не было ни капли тепла. Оно было стерильным, как картинка в журнале. И совершенно чужим.

Я не плакала долго. Слезы высохли, оставив после себя пустоту и ледяное онемение. Я просто сидела на краю этой чужой кровати, глядя, как за окном гаснет последний свет, и думала, как же все это абсурдно.

Утром меня разбудила тихая горничная с завтраком на серебряном подносе. Я почти ничего не съела. Ком в горле не давал. После завтрака та же горничная молча проводила меня в кабинет герцога. Он уже был там, просматривая бумаги. Выглядел так, будто провел здесь всю ночь — безупречный, холодный и абсолютно недостижимый.

— Ваша Светлость, — начала я, стараясь, чтобы голос не

дрогнул. — Я хочу поехать домой. Если уж я должна... оставаться здесь, мне нужно собрать свои вещи. Книги, ноты... личные безделушки.

Он даже не поднял на меня взгляд, продолжая что-то под-писывать.

— В этом нет необходимости.

— Но это мои вещи! — воскликнула я, и холод внутри на мгновение отступил перед вспышкой возмущения. — Мои платья, пусть и старые...

— Вы получите все необходимое здесь, — он наконец отложил перо и посмотрел на меня. Взгляд был пустым, как поверхность озера в безветренный день. — Новое платье уже шьют. Остальное будет доставлено сегодня.

— Я не понимаю, — прошептала я, чувствуя, как почва уходит из-под ног. — Что мне здесь делать? Я не служанка, не компаньонка... Что я такое?

— Вы — мой гость, — сказал он, и в его тоне не было ни капли гостеприимства. — Ваша задача — жить. Завтракать, обедать, ужинать. Гулять в саду. Носить платья, которые я сочту нужным вам предоставить.

— Зачем?! — вырвалось у меня. Страх вернулся, острый и липкий. — Зачем вам все это? Чтобы унижать меня? Чтобы показать свою власть? Сколько? Сколько времени я должна здесь провести? Когда я смогу вернуться?

Он встал из-за стола и медленно подошел ко мне. Я невольно отступила на шаг. Он остановился, и в его взгляде

промелькнуло что-то неуловимое — не гнев, а скорее... любопытство. Как будто он наблюдал за редкой, пугливой птицей.

— На эти вопросы у меня пока нет ответов, мисс Фолк. Примите это как данность.

— Данность? — я заставила себя не опустить глаза. — Вы забрали у меня все. Дом. Свободу. Даже мои старые платья. И теперь говорите о «данности»? У вас нет ни капли совести?

Его губы чуть тронула тень чего-то, что можно было принять за усмешку.

— Совесть — роскошь, которую не все могут себе позволить. А у вас ее, как я вижу, в избытке. Не тратьте ее понапрасну. Адаптируйтесь.

На этом разговор был окончен. Он кивком дал понять, что я могу идти. Я вышла, чувствуя себя не человеком, а каким-то призраком, который не может найти себе места в этом прекрасном, бездушном доме.

Первая ночь прошла в оцепенении. Вторая же превратилась в сюрреалистичный кошмар.

Поздним вечером, когда я уже готовилась к беспокойному сну в предоставленной мне тонкой ночной рубашке, в дверь постучали. Вошел мистер Гловер, дворецкий, а за ним — целая процессия слуг с коробками и сундуками. Их внесли и молча начали распаковывать прямо у меня на глазах.

Это было безумие.

Из коробок извлекали шелка, бархат, кружева. Платья вечерние, цвета ночи и заката. Платья для визитов, скромные, но невероятно дорогие на вид. Шляпки с перьями и без. Перчатки. Туфли на тонких каблуках и практичные ботинки.

Я стояла посреди комнаты, превращавшейся в дорогой магазин, и не могла понять. Зачем? Куда я должна надеть все это? На прогулку по саду? Чтобы обедать в одиночестве?

Но на этом странности не закончились. Едва слуги удалились, как в дверь снова постучали. Вошли две молодые горничные с безупречно прямыми спинами.

— Его Светлость распорядился, чтобы вы приняли ванну, мисс, — сказала одна из них, и в ее тоне не было места возражениям.

— Что? Сейчас? Но я уже...

— Это приказ, мисс.

Они подошли ко мне, и их движения были быстрыми и профессиональными. Меня повели в роскошную ванную комнату с огромной мраморной купелью, уже наполненной водой. Я попыталась возмутиться, попросить их выйти, но они не слушали. Руки, мягкие, но неумолимые, развязали шнуровку ночной рубашки, сняли ее. Я закрыла глаза от жгучего стыда. Меня, совершенно голую, помогли ступить в теплую воду, пахнущую розами. Одна из девушек принялась мыть мне волосы каким-то пахучим шампунем, другая молча стояла рядом с полотенцами. Я сидела, скрестив руки на груди, стараясь стать как можно меньше, сгорая от униже-

ния. Они обращались со мной как с дорогой куклой, которую нужно вычистить и подготовить. Безлично, эффективно, без единой эмоции.

После ванны меня обернули в огромное мягкое полотенце и отвели обратно в комнату. Моей старой ночной рубашки уже не было. На кровати лежала новая, из тончайшего шелка, вышитая у горловины. А в открытом теперь гардеробе аккуратно висели все те немыслимые наряды. Мои старые вещи, в которых я приехала, исчезли. Бесследно. Как будто меня стерли и начали рисовать заново.

Я осталась одна. Надела новую рубашку. Шелк скользил по коже, холодный и чужой. Легла в огромную кровать. Шелковые простыни были скользкими и не давали тепла.

Я ворочалась, глядя в темноту. Это было невыносимо. Эта показная забота, это обставление меня, как игрушку. Меня не били, не оскорбляли. Со мной обращались с ледяной, безупречной вежливостью. Но именно это и пугало больше всего. Я была не человеком для них. Я была... собственностью. Дорогой, хрупкой вещью, которую нужно содержать в идеальном состоянии. Но зачем?

И главное — что будет дальше? Что он задумал?

Желание бежать было таким острым, что я чуть не вскочила с кровати. Но куда? В чем? У меня даже моей старой одежды не осталось.

Я закрыла глаза, и передо мной встало его лицо. Холодное. Любопытное. Безответное. И я поняла, что боюсь не на-

казания, не грубости. Я боюсь этой непонятной, изощренной игры, правил которой я не знаю. Боюсь того, что он вытворяет со мной, одевая в шелка и смывая с меня даже память в виде запаха моего старого мыла.

Золотая клетка захлопнулась бесшумно. И я была в ней одна.

Глава 5

Элизабет

Рано утром, даже не притронувшись к завтраку, я заставила себя действовать. Нужно было увидеть отца. Убедиться, что он жив, что с ним все... настолько все, насколько может быть. В новом гардеробе я нашла самое простое, на мой взгляд, платье — темно-зеленое шерстяное, без лишних оборок. Оно все равно было невероятно дорогим на ощупь, тонкой работы. Накинула теплое пальто и прилегающую шляпку с небольшими полями. Никто не пытался меня остановить. Двери особняка были открыты, ворота тоже. Я почти бежала по знакомой дороге, ветер свистел в ушах и норовил сорвать эту новую, чужую шляпку. Каждый шаг возвращал мне картину ощущения реальности, пока я не увидела наш дом — маленький, поникший под серым небом.

Запах ударил в нос раньше, чем я что-то увидела. Табак, кислый алкоголь и немытая тоска. Отец сидел за кухонным столом, опустив голову на скрещенные руки. Пустая бутылка валялась рядом.

— Папа.

Он вздрогнул и поднял голову. Глаза, мутные от выпивки и бессонницы, медленно скользнули по мне. И вдруг в них вспыхнуло что-то — не радость, не облегчение. Шок. И

странный, жадный блеск. Он вскочил так резко, что стул с грохотом упал на пол.

— Лиззи? Боже мой... Лиззи!

Он подошел, шатаясь, и схватил меня за плечи, разглядывая с ног до головы. Его дыхание, пропитанное портвейном, обожгло мое лицо.

— Посмотри на себя... Ты... ты выглядишь как твоя мать. Нет! Еще лучше! Как настоящая герцогиня!

Его пальцы впились в дорожную шерсть моего платья.

— Шелк? Нет, кашемир... И шляпка... Боже, Лиззи, это же удача! Видишь? Судьба дала тебе шанс! Это же благословение!

Я отшатнулась, высвобождаясь из его цепких рук.

— Какое благословение, папа? Меня продали! Как вещь!

— Но посмотри, какую вещь! — воскликнул он, и в его голосе звучала истеричная восторженность. — Ты не в лохмотьях! Не на кухне! Он же мог сделать тебя служанкой, скотницей... А он одевает тебя в шелка! Кормит! Это милость, дочка! Ты должна быть благодарна герцогу! Это лучшая участь для тебя сейчас!

Я смотрела на него, и комок в горле рос с каждой секундой. Он не видел моего страха, моего унижения. Он видел только ценник. Ценник на моем новом платье.

— Он большой человек, Астор, — продолжал отец, уже почти бормоча себе под нос, водя пальцем по моему рукаву, будто оценивая ткань. — Сильный. Богатый. Под его кры-

лом... под его крылом тебе нечего бояться. И долги мои... долги оплачены. Ты должна понять...

— Я понимаю, что ты променял меня на спокойствие! — выкрикнула я, и голос мой задрожал. — И ты рад, что меня «купили» дорого? Ты действительно так думаешь?

Он посмотрел на меня, и на мгновение в его глазах мелькнуло что-то старое, стыдливое и печальное. Но тут же погасло, задавленное новой, лихорадочной мыслью.

— Эти платья... Лиззи, они ведь очень дорогие? На одно такое можно было бы год прожить... Может, он позволит... может, если ты попросишь... немного помочь старику-отцу... — Он схватил меня за руку, и его пальцы были липкими и горячими.

В этот момент в окне мелькнул отсвет лакированного кузова. По улице, бесшумно, как призрак, подкатил темный экипаж с гербом Асторов. Ледяная игла страха пронзила меня насквозь.

Из экипажа вышел не кучер, а тот самый водитель в строгой ливрее. Он направился к нашему дому. Ровные, размеренные шаги по гравию звучали как удары сердца. Постучал — негромко, но властно.

Я, словно в трансе, открыла дверь. Мужчина склонил голову.

— Мисс Фолк. Его Светлость ожидает вас.

Он не вошел, не добавил угроз. Просто развернулся и вернулся к экипажу, встав у открытой дверцы, скрестив руки за

спиной. Ожидание было хуже любого приказа.

Я обернулась к отцу. Он съежился, отполз в угол кухни, глядя на экипаж с суеверным ужасом. Все его минутное благодущие испарилось.

— Иди, Лиззи, иди... Не гневи его. Видишь? Он сам приехал... Такой чести...

Я посмотрела на него — жалкого, перепуганного, снова предавшего меня, теперь уже страхом. Любовь и жалость боролись в душе с горьким разочарованием. Я ничего не сказала. Просто вышла, закрыв за собой дверь в свою прошлую жизнь.

В экипаже пахло кожей, дорогим табаком и холодом. На заднем сиденье, отодвинувшись в тень, сидел он. Герцог. Приехал лично. Он не взглянул на меня, когда я села. Смотрел в окно, профиль его был вырезан из мрамора.

Экипаж тронулся.

— Вы больше не должны приходить сюда, — произнес он тихо, почти без интонации. Слова упали, как камни в бездонный колодец моего страха.

Внутри все сжалось в ледяной ком. Нельзя приходить домой. Нельзя видаться с отцом. Меня окончательно отрезали от всего, что было моим. Я сжала руки на коленях, чтобы они не дрожали, и уставилась в противоположное окно. Глаза жгло, но я не заплакала. Не перед ним.

Обратная дорога промелькнула в мертвой, давящей тишине.

В кабинете он не сел за стол. Остановился у камина, спиной к огню, и наконец-то взглянул на меня. Его холодные глаза, казалось, не ругали, а просто констатировали мое неповиновение как досадный факт.

— Зачем? — сорвалось у меня, прежде чем он успел что-то сказать. Голос был хриплым от сдерживаемых эмоций. — Зачем все эти платья? Зачем вырядить меня, как куклу на ярмарке? Что вы со мной собираетесь делать? Объясните!

Глава 6

Ашер

Дым от камина уже рассеялся, но в кабинете по-прежнему висело напряжение — густое, осязаемое, как запах ее кожи после вчерашней ванны с розами. А теперь вот этот вопрос. Он прозвучал не как мольба, а как вызов. «Зачем?» Голос ее дрожал, но в глазах, этих несносных синих озерах, стоял упрямый огонек.

Она стояла посреди комнаты, закутанная в мое же подавание — дорогое зеленое платье, которое лишь подчеркивало бледность ее кожи и хрупкость ключиц. Ее присутствие здесь, в моем святилище порядка и контроля, было как шип в плоти. Раздражающим. И пленяющим.

Я оторвался от камина и сделал шаг к ней. Она инстинктивно отпрянула, и в ее глазах мелькнул чистый, животный испуг. Он был сладок, как первый глоток крепкого виски — обжигающий и желанный.

Я схватил ее за локоть, почувствовав под тонкой шерстью хрупкость кости. Ее тело вздрогнуло.

— Впредь вы будете сообщать, если намерены покинуть поместье, — мой голос был ровным и низким, как лед на зимнем пруду. — Вы здесь. Это ваш дом теперь. Тот — больше не существует для вас. Понятно?

Я видел, как слова вонзаются в нее, как ножи. Видел, как гордость на ее лице борется с унижением, как губы слегка побелели от сжатия. Почти сломал. Интересно, как высоко будет держать голову эта птичка, когда я окончательно подрежу ей крылья?

Но она не сдавалась. Ее дух, черт побери, оказался крепче, чем я предполагал.

— Понятно? Нет, не понятно! Я не вещь, которую можно переставлять! Я хочу знать...

Она снова завела свою пластинку. Вопросы, претензии, этот наивный, глупый блеск в глазах. Раздражение, острое и внезапное, ударило по мне, смешавшись с чем-то более темным и плотным — с непреодолимым желанием заставить ее замолчать. Не силой, а... иначе.

Я не думал. Действовал на инстинкте, на той самой мутной волне, что поднялась в крови при виде ее слез в день ее прибытия. Резко потянул ее к себе. Она вскрикнула от неожиданности, упершись ладонями в мою грудь, но я уже накрыл ее рот своим.

Это не было поцелуем. Это была атака. Захват. Я хотел почувствовать ту сладость, что мерещилась мне с того бала, хотел раздавить ее протест. Но то, что я почувствовал, сбило меня с ног сильнее любого удара.

Ее губы были мягкими, невероятно мягкими и теплыми. Они дрожали под моими, безответные, испуганные. Она попыталась отстраниться, слабый стон застрял у нее в горле. Я

лишь сильнее прижал ее к себе, ощутив всем телом хрупкий, но пышный изгиб ее груди, линию бедра. Ее тело было горячим, жар от него прожигал слои шелка и сукна, достигая моей кожи. В голове закружилось. Она пахла страхом, мылом и чем-то неуловимо-сладким, своим.

Она совсем не умела целоваться. Эта мысль пронзила меня, дикая и возбуждающая. Невинность. Та самая, что я ненавидел и жаждал одновременно. Я разорвал поцелуй, дав ей глотнуть воздуха. Ее глаза были огромными, заблудившимися, губы приоткрыты, влажные от меня. И прежде чем она смогла что-то понять, мои губы снова нашли ее, но теперь уже не так грубо — с яростной, требовательной нежностью, исследуя, пробуя, заставляя отвечать.

И она ответила. На мгновение. Неосознанно, вопреки себе. Ее губы дрогнули, приоткрылись чуть шире... а потом ее тело напряглось, как тетива. С новой силой она рванулась, вырвалась и оттолкнула меня, почти потеряв равновесие.

Она стояла, прикрыв рот дрожащей рукой, смотря на меня взглядом, в котором смешался шок, глубокая, ранящая боль и пылающий стыд. Этот взгляд, эта смесь оскверненности и непокорности, ударила меня ниже живота, разожгла похоть до белого каления. Именно в этот миг, глядя на нее — опозоренную, плачущую, невероятно прекрасную — я понял с кристальной ясностью: я хочу обладать ею. Не как вещь. Как женщиной. Довести до края, сломать эту ледяную стену ее достоинства и заставить выплакать все слезы у

меня на груди.

Первая слеза скатилась по ее щеке, оставив блестящую дорожку. Потом вторая. Она, та, что сдерживала рыдания в подушку, теперь плакала при мне. И это было самой сильной властью, которую я когда-либо испытывал.

Не сказав больше ни слова, она развернулась и выбежала из кабинета. Я не стал ее останавливать. Стоял, слушая, как ее торопливые шаги и сдавленные рыдания затихают в коридоре, прислушиваясь к бешеному стуку собственного сердца. В воздухе летал ее запах, а на губах оставался ее вкус — соль слез и запретный мед.

Рассудок вернулся ко мне медленно, принося с собой недовольство. Я потерял контроль. Показал ей свою слабость, свою животную реакцию. Но вместе с недовольством пришло и жгучее, всепоглощающее любопытство. Что теперь? Испугается окончательно? Или в ее тихом сопротивлении появится новая, опасная искра?

Я подошел к боковому столику, налил бренди. Жидкость обожгла горло, но не смогла заглушить жар под кожей. Я хотел ее. И эта простая, варварская истина была теперь единственным компасом в тумане моих собственных правил.

Глава 7

Ашер

Прошло несколько дней. Неделя. Ее лицо, искаженное шоком и слезами в тот миг, не отпускало меня. Оно вставало перед глазами, когда я просматривал отчеты, когда гулял по саду, где каждое цветущее растение вдруг стало напоминать о ней — такой же хрупкой и вынужденно цветущей в чужой земле.

Мною двигала не ясная цель, а смутная, темная потребность. Проверить границы. Увидеть, отшатнется ли она снова. Или... возможно, в глубине души я надеялся, что она не придет. Что докажет свою силу, сломав мои ожидания.

Вечером я позвал Гловера.

— Проводите мисс Фолк в мою комнату.

Дворецкий, воспитанный и непроницаемый, лишь склонил голову, не выразив ни тени удивления. Но в его глазах, я заметил, мелькнуло что-то... понимающее? Осуждающее? Неважно.

Как я и ожидал, она не пришла. Тишина в ответ на мой приказ была громче любого отказа. И в ней была своя горькая победа. Ее.

Элизабет

Я не выходила из комнаты несколько дней. Горничные приносили еду, которую я почти не трогала, и уносили нетронутые подносы. Я лежала на кровати, уставившись в потолок, или сидела у окна, глядя на тот невероятный, издевательски красивый сад. Моя душа была пустой, выжженной пустыней. Стыд и отчаяние сменяли друг друга в бесконечном, изматывающем цикле.

Наконец, тело, измученное бездействием, заставило меня встать. Мне нужен был воздух. Даже если это воздух его владений.

Я накинула первое попавшееся платье — простое, серое, — и вышла в сад. Свежесть утра обожгла легкие. Солнце светило, птицы пели, розы благоухали. Эта совершенная, бездушная красота давила на меня. Она была частью его мира. Мира, в котором я теперь застряла.

Я бродила по дорожкам, не видя красоты, ощущая лишь ледяной ком в груди.

Именно тогда я услышала скрип колес. У главных ворот остановился экипаж. Мое сердце тут же забилося, как пойманная птица. Он вернулся. Паника, острая и слепая, ударила в виски. Я не могла его видеть. Не сейчас. Не здесь, среди этих цветов, которые казались теперь свидетелями моего позора.

Я резко развернулась и почти побежала по лужайке в другую сторону, подальше от дома, стараясь скрыться за высокими кустами рододендронов. Я шла, не разбирая пути, пока бешеный стук сердца не начал стихать, сменяясь глухой, привычной тоской.

Позже, когда солнце начало клониться к закату, я с трудом заставила себя вернуться в особняк.

Прошло еще несколько дней моей новой, призрачной жизни. Я бродила по бесконечным коридорам, библиотеке, зимнему саду, стараясь избегать тех мест, где мог оказаться он. И вот однажды, заблудившись в западном крыле, я наткнулась на небольшую, солнечную гостиную.

И там стояло Оно.

Пианино. Не старое, расстроенное, как у нас дома, а прекрасный, полированный до зеркального блеска белый рояль. Он стоял у высокого окна, залитый светом, как святыня. Сердце мое екнуло — от боли и от внезапной, острой тоски.

Музыка была моим убежищем с детства. Языком, на котором я могла говорить, когда слова застревали в горле. И сейчас, когда душа была разбита в щепки, а слова были мне не нужны или слишком опасны, мои ноги сами понесли меня к инструменту.

Я села на табурет, осторожно приподняла тяжелую крышку. Клавиши, слоновой кости и черного дерева, смотрели на меня молчаливым вызовом. Я положила дрожащие пальцы

на холодную слоновую кость. И закрыла глаза.

Я не играла никакой конкретной мелодии. Не думала о нотах. Я просто позволила пальцам идти туда, куда их вела боль. Сначала это были тихие, робкие, звенящие аккорды — как первые слезы. Потом музыка стала нарастать, превращаясь в бурный, хаотичный поток звуков. В ней была ярость — на отца, на герцога, на несправедливую судьбу. Была глубокая, пронзительная печаль — по всем потерям. Была безысходность, застывшая в долгих, минорных пассажах. Мои пальцы бежали по клавишам, иногда срываясь, иногда выбивая диссонанс, и я не пыталась их остановить. Это был крик. Крик души, которую заставили замолчать, которую продали и купили, но не смогли до конца сломать.

Я играла, не замечая времени, пока пальцы не онемели, а в груди не осталось ничего, кроме тихой, выжженной пустоты. Последний аккорд прозвучал и растворился в тишине комнаты.

И только тогда я открыла глаза. И увидела его.

Он стоял в дверном проеме, прислонившись к косяку. Сколько он наблюдал — минуту или все время? Его лицо было непроницаемым, но в глазах, тех самых холодных, зимних глазах, горел странный, интенсивный огонь. Не гнев. Не страсть. Что-то более сложное. Глубокое, почти болезненное внимание.

Наши взгляды встретились. В комнате повисла тишина, еще более громкая, чем моя музыка. Я не могла пошевелить-

ся, не могла отвести глаз. В его взгляде было что-то, от чего по спине пробежал холодный озноб, смешанный с чем-то другим... с пониманием? Он слышал. Слышал всю мою боль, весь мой внутренний хаос, выплеснутый в эти диссонансные аккорды.

Он не сказал ни слова. Просто смотрел. А я сидела перед ним, обнаженная душой больше, чем когда-либо могла бы быть обнажена телом. И в этот миг я поняла страшную вещь: эти стены, эта комната, этот рояль — они не были убежищем. Они были сценой. А он — единственным зрителем в зале, который видел и слышал все. Даже то, что я пыталась скрыть от самой себя.

Глава 8

Ашер

Звук заставил меня замереть на пороге. Это была не музыка, а исповедь, вылитая в диссонансах и минорных пассажах. Я стоял в тени коридора и смотрел на нее. На спину, сжатую в струнку, на белые, почти прозрачные пальцы, которые бежали по клавишам с яростной, отчаянной силой. Ее лицо в профиль было спокойным, но мертвенно-бледным, как у мраморной статуи, внутри которой бушует пожар. В каждой ноте слышался гнев, боль, унижение, страх — вся гамма чувств. Это было откровеннее любого крика, интимнее любого прикосновения. Я слушал и чувствовал, как что-то во мне, холодное и расчетливое, трещит по швам.

Она закончила. Последний аккорд повис в воздухе, дрожа и затихая. И тогда она открыла глаза и увидела меня.

Вздрогнула. Ее плечи напряглись, как у загнанного зверя. Я вошел в комнату, позволив себе нарушить это хрупкое пространство, которое она только что создала. Подошел к роялю. Протянул руку и провел пальцами по полированной крышке, холодной и идеально гладкой.

— Прекрасно, — сказал я. Слово вырвалось само. Я имел в виду не технику, а ту бурю, что она излила. — Бетховен в духе вашей собственной трагедии?

Она не ответила. Глаза, еще секунду назад полные отраженной музыки, потухли и опустились вниз, к моим сапогам. Молчание между нами снова стало оружием, но на этот раз — ее оружием.

— Мама учила, — наконец прошептала она, не глядя на меня. — Это было... наше.

Ее голос был хриплым от непролитых слез.

— Она научила вас чувствовать, а не просто играть, — констатировал я. И тут же задал вопрос, ответ на который уже знал: — Вы хотите продолжать давать уроки? Детям в поместье?

Она резко подняла на меня взгляд, и в нем на мгновение вспыхнула надежда. Жалостливая, глупая надежда на что-то нормальное, на клочок прежней жизни.

— Да. Пожалуйста. Я могла бы... это хоть что-то...

— Нет, — отрезал я. Слово прозвучало резче, чем я планировал. Видеть ее, отдающую свое тепло, свое умение чужим детям, в то время как она заморожена для меня... это было неприемлемо. — У вас будет другая задача. Через три недели в городе благотворительный вечер в пользу приюта. Вы сыграете на нем.

Ее лицо исказилось от ужаса.

— Нет... Я не могу. Я не хочу... все будут смотреть, будут шептаться... об отце, обо мне... — Она говорила быстро, почти задыхаясь, и в ее страхе была горькая правда. Я возвращал ее в тот самый свет, который ее растоптал, и де-

лал это центральным экспонатом.

— Вы можете и будете, — мой тон не оставлял места для споров. Я не просто хотел выставить ее напоказ. Мне нужно было посмотреть, как она выдержит это испытание. Сломается ли под взглядами? Или найдет в себе силы сыграть так, что все забудут о сплетнях? — Это не просьба.

Она сжала губы, снова опустила голову. Кивок был едва заметен. Капитуляция. Но в этой капитуляции я снова увидел ту самую сталь. Она ненавидела это, но принимала.

В комнате повисла тяжелая пауза. Между нами висели невысказанные слова. Я видел, как она боится, как сжимается при моем приближении.

— Вы похудели, — констатировал я, меняя тему. — С сегодняшнего дня вы будете ужинать со мной. В столовой. Вы не имеете права доводить себя до истощения. Вы мне нужны... в должном состоянии.

Ей это, конечно, не понравилось. Еще одно унижение, еще одно правило. Но она снова кивнула. Ее покорность была хуже любого бунта. Она разъедала мою уверенность.

Я развернулся и вышел, оставив ее одну с ее музыкой и призраками. Мне нужно было ехать. На встречу, которую я откладывал как мог, но которая была неизбежна, как восход солнца.

Королевский замок встретил меня холодным блеском мрамора и теплой, фальшивой улыбкой его величества. Встреча прошла именно так, как я и предполагал. После обсуждения государственных дел и налогов, король, выполняя роль заботливого дяди, перешел к главному.

— Ашер, мой мальчик, пора. Твой титул, твое состояние... они требуют продолжения. Тебе нужна достойная партия. Надежная. Из хорошей семьи.

Он говорил мягко, но в его тоне звучал стальной приказ. Я не был глупцом. Мое влияние велико, но и я связан сетью обязательств, традиций и политики. Отказаться — значило проявить слабость, бросить вызов, на который у меня пока не было ни сил, ни желания. Мысль о скандале, который мог бы повредить... другим аспектам моей жизни, была неприемлема.

— Вы правы, Ваше Величество, — сказал я, склоняя голову. Слова казались чужими. — Я об этом думал.

Лицо короля озарилось удовлетворением.

— Отлично! Как раз кстати. Дочь моего старого друга, графа Уэстклиффа, леди Изабелла. Цветок, воспитанный в строгих традициях, умна, прекрасна. Имущество их... ну, нуждается в поддержке, что делает союз взаимовыгодным.

Он подал знак, и в кабинет вошла она. Леди Изабелла. Совершенство с головы до ног. Золотистые волосы, уложенные в сложную прическу, большие карие глаза, правильные, нежные черты лица. Её улыбка была скромной и милой. Без-

упречный продукт высшего света.

Мы прогулялись по королевскому саду. Я был вежлив, внимателен, задавал правильные вопросы о ее увлечениях (живопись, благотворительность, легкая музыка), поддерживал разговор о предстоящем сезоне. Она была приятной собеседницей, умной в рамках дозволенного. Но когда она говорила, я слышал не ее голос, а отголоски диссонансной, полной боли музыки из солнечной гостиной. Когда она улыбалась, я видел не ее улыбку, а бледное, страдальческое лицо за роялем. Леди Изабелла была как один из фарфоровых цветков в этом саду — красивым, хрупким, лишенным запаха и жизни. Она не вызывала во мне ничего. Ни раздражения, ни интереса, ни тем более того темного, всепоглощающего огня, который вспыхивал при одной мысли о Элизабет. Это было неудобно. Опасно. Глупо.

Я покинул замок с формальным согласием на дальнейшее общение и с каменной тяжестью на душе. Помолвка с леди Изабеллой была логичным, правильным шагом. Она закрывала все вопросы, укрепляла положение, давала то, что от меня ждали. Общественность будет в восторге.

Но когда мой экипаж въехал в ворота моего поместья, и я увидел в окне огонек в восточном крыле, тяжесть сменилась чем-то другим. Чувством, которое я не мог назвать.

Я вошел в дом. Тишина встретила меня, но теперь она была иной. Она была наполнена эхом ее музыки и гулким вопросом, который витал в воздухе: как долго я смогу балан-

сировать между долгом и темной, неукротимой тягой к той, что сейчас, наверное, сидит в своей комнате и боится даже звука моих шагов в коридоре?

Игра усложнилась. В ней появился новый игрок с безупречной репутацией. И я больше не был уверен, кто в конечном счете окажется в проигрыше.

Глава 9

Ашер

Рассвет в моих лесах был хрустальным и резким. Воздух пах прелой листвой, инеем и свободой — той самой, которую я так ценил и которой теперь был лишен в своих же стенах. Охота должна была стать глотком свежего воздуха, возвращением к простым, понятным правилам: выследить, настичь, победить.

Селин и еще трое приближенных — лорд Харроу, сэр Брент и молодой, амбициозный виконт Элмонд — составили компанию. Лошади фыркали, гончие рвались с поводков, азарт предстоящей погони витал в воздухе. Первые часы прошли в деловых разговорах: о новых налогах на шерсть, о беспорядках на севере, о выгодной покупке акций судоходной компании. Я отвечал односложно, мыслями оставаясь там, в солнечной гостинной с эхом диссонансов.

— Ну что, Ашер, — Селин подъехал ко мне ближе, когда мы остановились дать передышку собакам. Его глаза блестели знакомым любопытством. — Слухи носят, будто сам король подыскивает тебе пару. Это правда?

Харроу присвистнул.

— Наконец-то! А то мы уж думали, ты решил посвятить жизнь исключительно управлению имениями и... коллекци-

онированию редких диковинок. — В его голосе сквозила неприкрытая аллюзия на Элизабет. Слухи, черт бы их побрал, уже выпорхнули за пределы моего кабинета.

Я холодно взглянул на него, и он поспешно откашлялся.

— Его Величество действительно проявил заботу, — сухо подтвердил я, прицеливаясь в дальнюю группу деревьев, где мелькнуло пятно рыжего меха. Выстрел грохнул, эхом раскатившись по лесу. Лиса, даже не дернувшись, упала в папоротник. — Он представил леди Изабеллу Уэстклифф.

— Уэстклифф? — оживился Элмонд. — Прекрасная партия! Земли хоть и обременены, но положение безупречно. И девушка, говорят, красавица.

— Да, безупречна, — отозвался я, перезаряжая ружье. Слово «безупречна» звучало в моих устах как приговор. Безупречна, как портрет, как геральдическая лилия. И так же безжизненна.

— А что с той... с твоим выигрышем? — не унимался Селин, понизив голос. — Ты ведь не собираешься держать ее в доме, когда у тебя появится герцогиня? Это же скандал!

Раздражение, острое и ядовитое, подкатило к горлу.

— Я еще не решил, — отрезал я, и тон мой заставил даже Селина на мгновение отступить. — Элизабет Фолк — мое дело. И я разберусь с ним, когда придет время.

Мы продолжили охоту, но удовольствие из нее ушло. Вопрос Селина висел в воздухе, более навязчивый, чем запах пороха. Что я буду делать с ней? Формально отпустить —

значило признать ошибку и дать волю сплетням. Оставить при себе после женитьбы — обречь на двойное унижение и создать вечную угрозу скандала. Мысль о том, чтобы выдать ее замуж за какого-нибудь управляющего или отправить по-дальше с пенсией, вызвала во мне глухое, необъяснимое сопротивление. Она моя. Этот примитивный инстинкт оказался сильнее любой логики.

Вечером, в своем кабинете, я исполнил еще одну часть социального долга. Взяв тяжелую бумагу с гербом, я написал леди Изабелле краткое, безупречно вежливое письмо. Приглашение на благотворительный вечер в пользу приюта, с почтительным упоминанием ее возможного интереса к филантропии и надеждой на ее присутствие. Каждое слово давалось с усилием. Я не хотел этого. Но приходилось. Подпись под письмом выглядела как капитуляция.

Глава 10

Элизабет

Страх — это липкая, холодная тень, которая поселилась у меня под сердцем с того дня в кабинете. Он был больше не просто угрозой, абстрактным гневом сильного мира

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.